

И.Н. СИЗЕМСКАЯ

Социокультурное пространство России: реалии и перспективы

В статье рассматриваются проблемы инновационного развития в контексте российских экономических и культурных реалий, современные механизмы воспроизводства социокультурного бытия и в этой связи вопросы социологического проектирования

Ключевые слова: социокультурное пространство, экономика, культура, мораль, инновационное развитие, экономическая политика, регион, социокультурный портрет, человеческий капитал, образование, наука, бедность, социологическое проектирование.

Article deal with problems of innovative development in a context of the Russian economic and cultural realities, modern mechanisms of reproduction of sociocultural life and the questions of sociological designing.

Keywords: sociocultural environment, economy, culture, morals, innovative development, economic policy, region, education, science, poverty, sociological designing

Производительный труд, обладание и использование его результатов представляют одну из сторон в жизни человека или одну из сфер его деятельности, но истинно человеческий интерес вызывается здесь только тем, как и для чего человек действует в этой определенной области.

Вл. Соловьев

Экономика как сфера воспроизводства социально-культурного бытия

Особенность, своего рода знак, нашего времени – модель инновационного развития. Большинство исследователей считают, что именно инновационная экономика гарантирует мировое превосходство страны и ее движение по пути развития социальных институтов. В основании инновационного развития, по общему признанию, лежит использование достижений современной науки и производственных технологий, информационное обеспечение всех видов хозяйственной практики. Поэтому базовыми показателями инновационной экономики считаются отвечающий требованиям времени уровень образования работающего населения, научного знания и человеческого капитала. Можно сказать, что инновационная экономика – это экономика, основан-

Сиземская Ирина Николаевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН.

ная на знаниях, то есть интеллектуальная (в отличие от индустриальной) экономика. В этой связи встает вопрос: каким способом, через какие институты общество может включить знание и соотносящиеся с ним культурные смыслы в сферу хозяйствования, чтобы повысить ее эффективность? Не менее важен и другой вопрос: каковы критерии последней? Если экономика перешагнула границы рынка, выявив свои культурные интенции, а рыночный фундаментализм, в свою очередь, стал непреложным фактом цивилизованного развития, то какими принципами следует руководствоваться в экономической политике, в практике экономического моделирования?

Самым общим (необходимым) принципом экономического моделирования, как показывает опыт развитых стран, является *сбалансированная взаимосвязь экономики, морали и культуры*. Ни одна из моделей экономического развития не может быть самодостаточной в том смысле, что, во-первых, она должна коррелировать с идеями о нравственно-гуманистических основаниях, целях и принципах человеческого общежития, а во-вторых, соотноситься с состоянием функционирующих общественных институтов (образования, правопорядка, здравоохранения и др.). В последние 70 лет экономические модели, сменяющие друг друга, отличались лишь большим или меньшим упованием на рынок. Последний кризис заставил задуматься: видимо, дальнейшее развитие национальных и глобально-мировых экономических систем требует более многостороннего включения в хозяйственную практику социально-культурных механизмов. (В противном случае их движение будет осуществляться по отработанному кругу от *laissez faire* к тотальному государственному регулированию.) Но это требование будет каждый раз оставаться в разряде благих намерений, если не будет подкрепляться научно обоснованным анализом реальных ситуаций и тенденций, определяющих возможности реализации названного принципа, и если не станет максимумом осуществляющейся экономической политики.

Между тем по установившейся традиции и фактическому месту в структуре современного знания экономика как наука о практическом опыте человечества ограничивает теорию хозяйства его феноменологией, оставляя за своими пределами круг вопросов метафизического характера – о свободе, необходимости, социальной справедливости, соотносительности целей и средств экономической практики, творческой самореализации человека в труде, культурной и нравственной составляющей экономической деятельности. Другими словами, в стороне остается проблема, сформулированная еще С. Булгаковым: *является ли экономическое хозяйство функцией человека или человек есть функция хозяйства?* [Булгаков, 1990, с. 254].

Булгаков был убежден, что экономика есть специфическое бытие культуры, а хозяйство – сфера культурного творчества, поэтому экономическая теория – наука о человеке, о духе и культуре. Признание данного факта в свое время было равносильно прорыву в экономическом знании: предлагалось говорить не о проекции различных проявлений культуры на сферу хозяйства и рыночных отношений, а о рассмотрении экономической жизни общества в измерениях культуры (развитие человека, интеллектуальный потенциал нации, образование, творчество). Иными словами, Булгаков включил культурные измерения человеческой жизнедеятельности в структуру экономики в качестве присущих ей изначально, то есть имеющих *антропологический* характер, что равносильно было прорыву в экономическом знании. Булгаковым и был осуществлен такой прорыв, суть которого он сам определил достаточно четко: рассмотрение хозяйства “сразу в тройке постановке: научно-эмпирической, трансцендентально-критической, и метафизической” [Булгаков, 1990, с. 34].

Бесспорно, позиция Булгакова отражала ту новую ситуацию, которая была вызвана развитием капиталистической цивилизации, выявившим переплетение в экономической реальности разных составляющих – и тех, что непосредственно обеспечивают ее эффективное (прибыльное) функционирование, и тех, что заложены в ее основание как формы социально-культурной жизнедеятельности общества и человека труда. Очевидность и повсеместность проявления этого факта требовали от экономической теории выхода за узкие рамки трактовки хозяйства, рассмотрения последнего в том

числе и в измерениях культурного творчества. Замечу, что с утверждением такого подхода к хозяйственной деятельности Булгаков связывал перспективы развития не только экономической теории, но и философии: «Я не сомневаюсь в огромном значении самой проблемы, которой, я убежден, должен принадлежать, если не сегодняшний, то завтрашний день в философии. Понять мир как объект трудового хозяйственного воздействия – есть очередная задача, к которой одинаково ведет и экономизм, и критицизм, и мистицизм» [Булгаков, 1990, с. 3].

Признание сопряженности хозяйственной практики с культурным творчеством утверждало генетическую связь экономического моделирования со всеми видами гуманитарного знания (социологией, психологией, антропологией, демографией и т.п.). Сегодня такой подход и стоящие за ним вопросы приобретают новое актуальное звучание, заставляя признать экономическую жизнь сферой социально-культурного творчества не только потому, что на ее успехи все очевиднее и жестче влияют состояние духовной жизни общества, особенности национального самосознания, качество жизни народа, но и потому, что наука и культура реально стали ее структурообразующими элементами. В наши дни эти вопросы становятся теми, от адекватного решения которых, начинают зависеть эффективность принимаемых властью и бизнесом решений, реальные возможности онтологизации предлагаемых моделей экономического роста, выработка путей и способов преодоления кризисных ситуаций, успехи государственной политики, но, что еще более важно, понимание того факта, что мы живем в том мире (предметном и духовном), который сами конструируем своей повседневной практикой по обеспечению себя средствами жизни.

Социальная динамика России: опыт составления социально-культурных портретов регионов

В свете названных выше проблем представляется значимым исследование, которое вот уже несколько лет проводится Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН (руководитель центра член-корреспондент РАН Н. Лапин) в рамках заявленной в 2005 г. программы “Социокультурная эволюция России и ее регионов”. Цель программы была определена достаточно четко: представить своеобразие регионов, выбранных в качестве объекта исследования, в контексте социокультурного пространства России и в измерениях, адекватных сложившимся экономическим, политическим и культурным реалиям.

Постановка такой задачи встретила живой отклик и готовность активно участвовать в программе со стороны научной и преподавательской общественности разного профиля (социологов, экономистов, политологов, философов) 25 субъектов Российской Федерации, нашла одобрение у региональных властей и администраций. Последнее следует отметить особо: научные коллективы, подключившиеся к исследованию, укрепили связи с администрацией своих регионов, стали получать поддержку в проведении собственных исследований, повысили свой рейтинг в глазах местной общественности и властных структур, стали узнаваемы для средств массовой информации. Участие в программе, как признают ее участники, активизировало их собственную исследовательскую работу, дало импульс к изучению реальных социокультурных проблем регионов, что сопровождалось заметным ростом научного статуса преподавательского состава вузов, работников исследовательских центров и лабораторий, в частности актуализировалась тематика и повысился уровень защищаемых кандидатских и докторских работ. Программа получила финансовую поддержку у Российского гуманитарного научного фонда, без которой реализация замысла была бы просто невозможна.

На первом этапе исследования были обсуждены разработанные его инициаторами – Н. Лапиным и Л. Беляевой – типовые программы и методики. Они легли в основу составленных позже социокультурных портретов десяти регионов Европейской части России, Урала и Западной Сибири, позволив с позиций научно обоснованной оценки дать характеристику изменениям, произошедшим за последнее десятилетие

в экономическом и культурном состоянии как страны, так и этих регионов. Результатом данной работы стала публикация в 2009 г. коллективной монографии «Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте». Важно, что параллельно началось рассмотрение российских реалий в сравнении с другими странами с использованием материалов Европейского социального исследования (ESS), в котором Россия принимает участие с 2006 г. Их результаты были обобщены в коллективной монографии, вышедшей в том же 2009 г. под общей редакцией А. Андреевской и Л. Беляевой, «Россия в Европе: по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование»». В монографии представлены результаты первой волны ESS в России, проведенной Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ). Работа дает возможность получить комплексное представление о социальных процессах в России на фоне других, более близких и далеких европейских стран. С 2005 г. в разных субъектах РФ – Москве, Тюмени, Курске, Чебоксарах, Смоленске (выбор места определялся желанием коллектива исследователей и успешностью его работы над портретом региона) в рамках программы ежегодно проводятся Всероссийские научно-практические конференции. К каждой конференции выходят материалы с докладами и выступлениями ее участников¹.

Важно, что согласно программе исследования, регионы рассматриваются как «основной элемент федерального устройства России и вместе с тем как исторически сложившаяся территориально-культурная общность, имеющая сложную структуру, важнейшей функцией которой является развитие своего человеческого потенциала» [Регионы... 2009, с. 20]. Методический инструментарий проекта позволяет дать характеристику каждого региона как включающего множество субъектов культуры и социальности (население, этносы, организации, институты, культурные общности) и их оценки своего материального и социального положения, включая самочувствие, а также характер их взаимосвязей с «большим социумом» – с Россией как целым. Причем вся картина рассматривается как складывающаяся исторически в процессе социокультурного самоопределения регионов. Участники исследования исходят из признания, что региональное своеобразие всегда дополняется межрегиональными общими чертами, что региональная дифференциация складывается исторически, в русле эволюции, трансформаций всего социокультурного пространства страны – *противоречивого, но единого*. Поэтому в анализ были включены показатели, фиксирующие культурную, этнографическую, гражданскую, возрастную самоидентификацию жителей конкретного региона, находящую выражение в таких параметрах цивилизационного развития, как культурный капитал региона, сохранность исторического и духовного наследия, существующие традиции, связанные с национальными особенностями образа жизни и социального поведения и исторического прошлого всей страны, отношения региона к православию и другим религиозным конфессиям. Это предопределило результат исследования: регионы обрели *реальные черты* – и не только благодаря объективным параметрам, но и вследствие своеобразного «самопредставительства», выявленного на основе опросов (при подготовке портретов были опрошены в домашних условиях свыше 35 тыс. человек).

¹ Последняя по времени VI конференция проходила в Ульяновске 7–9 октября 2010 г. по теме «Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса». Как отмечено в предисловии к сборнику материалов этой конференции, участники программы подошли к ней, «имея за плечами более 20 комплексных региональных исследований и Всероссийский мониторинг, сотни статей, свыше 10 монографий-портретов и солидный обобщающий труд» [Социокультурная... 2010, с. 3]. Тематика докладов, заслушанных на пленарном заседании и «круглых столах» конференции, подтверждает это. Вот некоторые из них: «Социальное воспроизводство в России: стагнация или загнивание?» (Л. Беляева), «Социокультурная динамика тюменских регионов в условиях кризиса» (Г. Ромашкина), «Своеобразие и смысл уровней социокультурного развития российских регионов» (Н. Лапин), «Экономика как сфера воспроизводства социально-культурного бытия» (И. Сиземская), «Республика Татарстан: социокультурный портрет на фоне кризиса 2008» (А. Салагаев, С. Сергеев, Л. Лучшев), «Социокультурное развитие Тульского региона в условиях финансово-экономического кризиса» (В. Мосин), «Инновационное развитие Новосибирской области» (М. Захваткин), «Доступность высшего образования как фактор социокультурного развития региона» (О. Шиняев), «Взаимодействие регионов и федерального центра в период финансово-экономического кризиса» (О. Цветкова).

В качестве базового был принят социокультурный подход, в рамках которого система (страна) и ее подсистемы (регионы) рассматривались в контексте взаимопроницающей связи культуры и социальности. С позиций такого подхода общество предстает как *антропосоциетальная* система, представляющая собой неразрывную связь трех составляющих: человека, культуры и общественных форм человеческой жизнедеятельности. Я связываю смысл этого подхода с интерпретацией экономики в качестве способа воспроизводства социально-культурного бытия. Суть его была четко определена еще К. Марксом в его известном тезисе: “В качестве конечного результата общественного процесса производства всегда выступает само общество, т.е. сам человек в его общественных отношениях... Здесь перед нами – их собственный постоянный процесс движения, в котором они обнаруживают самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства” [Маркс, 1969, с. 264]. В рамках такого подхода сфера экономической жизни общества предстает сферой социального конструирования и в этом смысле культурного творчества, реализующегося в виде процесса воспроизводства самого человека как субъекта этого процесса, совпадающего в конечном счете с человеческой историей.

Конечно, сегодняшняя реальность совсем иная, чем та, что была объектом Марксова анализа, да и сама экономическая теория перешла на другой уровень. Но это не значит, что предложенный Марксом подход – видеть в общественном производстве производство социальности – утратил методологическую значимость, а связанная с ним система доводов относительно функционирования социальной системы не может трансформироваться в соответствии с произошедшими изменениями в мире и в знании о нем. Не случайно, что принципы его анализа капиталистической цивилизации нашли отражение (а бывает и продолжение) во многих современных теориях общественного развития, в частности в различных модификациях “постиндустриального общества” и мир-системного анализа. В поддержку сказанного приведу слова И. Валлерстайна: “Старые теории никогда не умирают и обычно не исчезают бесследно. Они сначала притворяются погибшими, а затем мутируют” [Валлерстайн, 2003, с. 170].

При такой методологической установке особую теоретическую функцию и смысл приобрел выбранный исследователями термин “портрет”. По сути, в контексте принятого исследования – это не термин и тем более не метафорический образ, а *концепт*, то есть категория, соотносящаяся с определенной методологической посылкой, поэтому его включение в научный аппарат во многом предвосхитило инновационный характер анализа. Регионы были рассмотрены не как “нижнее звено вертикали власти”, а как *коллективная форма жизни*, подчиняющаяся своим объективным законам, интенция которой – стремление к самореализации и самовыражению в структуре того пространства, являющегося для нее и фоном, и значимым фактором собственного исторического развития. По результатам проведенного исследования портреты регионов предстали во всем богатстве национальных особенностей жизни и традиций населяющего их народа, его социального самочувствия, ценностных и духовно-нравственных предпочтений, материальных условий жизни и реальных возможностей приобщения к духовному наследию своего народа и мировой культуры, к современным достижениям цивилизации, науки, техники. Социокультурный портрет каждого региона – именно *портрет*, а не сухое обобщение статистики. Более того, как всякий портрет он несет на себе личностный отпечаток его “авторов”: их недвусмысленно выраженную гражданскую и научную позицию, гуманистическую ориентацию взглядов на жизнь, неприятие всех форм социальной несправедливости.

В соответствии с названными методологическими позициями была проанализирована общественная динамика в соотношении с диспропорциями, характеризующими сегодняшнее экономическое и культурное состояние регионов и свидетельствующими, как показал анализ, о незавершенности формирования социокультурного пространства России в качестве нового единого целого. Выводы, сделанные исследователями, малоутешительны: несмотря на некоторые позитивные сдвиги, произошедшие в последнее время, сохраняется “высокая разбалансированность социокультурных функций мно-

гих российских регионов”, “высокий культурный потенциал населения используется совершенно недостаточно, лишь в небольшой своей части трансформируется в социальный капитал”, “социальный статус большинства населения остается на прежнем уровне, что говорит о слабой социальной мобильности и консервации социальной стратификации” [Регионы... 2009, с. 669, 691, 731]. По мнению авторов монографии, с этими диспропорциями связаны две главные проблемы – материально-экономическое неравенство (резкий разрыв в доходах) и соотносящаяся с ним социальная дифференциация населения. Анализ этих диспропорций лег в основу составления каждого из портретов региона.

Главные факторы неоднородности российского социокультурного пространства

Главная причина резкой социальной дифференциации – удручающая бедность значительной части населения, социальным фоном которой является нарастающий рост доходов в его верхних слоях: индекс их концентрации превысил соответствующий коэффициент во всех европейских странах. Известно, что сегодня заработная плата верхнего доходного дециля населения в 30 и более раз превосходит заработную плату нижнего дециля; по доходам это различие оценивается в 17 раз, что в пять с лишним раз больше, чем было в советское время, и в три раза больше, чем в современных развитых странах [Стратегия... 2008, с. 30]. Среди видов социальной дифференциации материальное неравенство – наиболее очевидное и значительное. Об этом говорят и данные официальной статистики в их соотнесенности с официально зафиксированным прожиточным минимумом, и субъективные оценки (своего материального благополучия самим населением). Авторы исследования приводят следующие данные: по результатам мониторинга, проведенного ЦИСИ, сегодня к бедным может быть отнесено 30–33% населения. Эта цифра стабилизировалась в России с 2002 г. В последней волне мониторинга в 2010 г. 32% населения по самооценкам относятся к бедному слою. Часть из них находится на грани выживания, а для всех борьба с необеспеченностью остается главной жизненной проблемой [Регионы... 2009, с. 714], уровень жизни этих людей характеризует *застойная бедность*. Что же касается регионов, то большая часть из них живет просто в условиях *депопуляции*, а наследуемая нищета становится и фактом, и фактором их жизни. Эти люди оценивают такую ситуацию как свидетельство вопиющего попрания справедливости со стороны государства и общества. Но не следует думать, как подчеркивают исследователи, что речь идет только о моральной стороне проблемы: параметры бедности предупреждают:

- о реальности раскола общества на два узаконенных (в том числе, в глазах большинства населения) полюса;
- о том, что только треть общества обладает необходимыми социальными ресурсами, чтобы активно вписаться в современную экономику.

Проблема бедности оценивается как одна из наиболее острых, создающая “угрозу целостности общества как ценностно-ориентированному единству интересов его жителей” [Регионы... 2009, с. 789]. Конечно, ситуация не фатальна, но она означает, что проблема бедности должна встать в центр социальной политики государства. Опираясь на научную обоснованность своих прогнозов, авторы исследования обращаются к власти, к научному сообществу, к общественным организациям с предупреждением, что без специальных усилий с их стороны проблема не может быть решена, что время поставило в прямую связь задачи инновационного, ускоренного экономического развития страны с задачами *соблюдения моральных норм в экономической политике*. “Чрезвычайно важно учесть *гуманистический аспект* преодоления бедности, – настаивает Беляева, – а для этого необходимо провести всестороннюю оценку качества жизни бедного населения – не только дохода, но и его здоровья, образования детей и профессиональной подготовки взрослых, другие параметры жизни... необходимо разработать на основе нескольких параметров *индекс бедности*” [Регионы... 2009, с. 718]. Существующий нормативный показатель бедности (величина прожиточного

минимума) требует существенной корректировки: он занижен и социально ущербен. Бедность как факт нашей жизни не может быть адекватно оценена без учета ее социально-культурных составляющих и последствий. Поэтому “необходимо разработать *национальный стандарт качества жизни* – комплекс социально приемлемых параметров существования семьи, дающий возможность большинству населения достойно существовать в своей стране, и сделать его нормативным показателем, в соответствии с которым и оценивать работу органов власти” [Регионы... 2009, с. 719].

Сложившуюся в стране ситуацию в результате резкого падения уровня жизни народа многие исследователи расценивают не просто как катастрофическую, а как ведущую к резкому снижению качества генофонда страны и свидетельствующую о падении цивилизационного потенциала общества, о низведении его жизни до уровня варварства [Мотрошилова, 2007, с. 229]. Особенно тревожен тот факт, что в среде работающего населения формируется слой, для которого характерна своя “культура бедности” (потребление продуктов и услуг низкого качества, ограничение расходов на поддержание здоровья, на отдых). Реально общество раскололось на два узаконенных и принимаемых общественным мнением полюса, и разрыв между ними имеет тенденцию к очевидному росту.

Не менее важную роль в стратификационных изменениях играет характер иерархических отношений и культурный ресурс страны. Проанализировав результаты двух волн Всероссийского мониторинга (2002 и 2006 гг.), участники исследования показали, что каждый из названных факторов обладает сильными дифференцирующими свойствами. Оба они, как и названный выше (бедность), – определяющие в формировании стратификационной модели российского общества и его регионов. Под их влиянием формируется модель, характеризующаяся слабой социальной мобильностью. «Только 26% населения в 2002 г. и 31% в 2006 г. могли быть отнесены к слоям, обладающим значимыми ресурсами для занятия высокого места в социальной иерархии; около 40% населения адаптированы к современному рынку России (их ресурсы могли быть востребованы “здесь и сейчас”), а остальные 35% – группы, занимающие две нижние ступени в общественной иерархии» [Регионы... 2009, с. 54].

Образование – важный легитимный канал, открывающий пути к вертикальной социальной мобильности. Но получение качественного образования сегодня зависит не столько от способностей молодого человека, сколько от социального статуса и доходов его семьи – именно они во многом определяют его стартовые возможности. При сложившейся практике образование фактически не выполняет роль “социального лифта” для выходцев из малообеспеченных слоев общества, особенно в регионах с низким экономическим и культурным потенциалом. Более того, оно не обеспечивает своевременное вступление молодежи на рынок труда: не в последнюю очередь высокий процент безработицы среди молодежи (по отдельным регионам он достигает 44–45%) обусловлен низким уровнем профессиональной подготовки.

Немаловажен и тот факт, что процесс коммерциализации образования как адекватный ответ последнего на развитие рыночных отношений мало приблизил нас к “экономике знаний” (в 2007 г. страна занимала 47-е место по Индексу “экономики знаний” с приростом на 8 пунктов по сравнению с 1995 г.). В то же время этот процесс сильно повлиял на характер функционирования и социальные задачи образовательной системы (особенно системы высшего образования). В наши дни она фактически перестает выполнять одну из своих главных социальных функций – быть институтом трансляции духовных смыслов и достижений культуры от поколения к поколению, институтом культурной преемственности в историческом движении общества. Во всяком случае, эта функция вытесняется из разряда первостепенно важных.

Но образование в любой ситуации должно сохранять ориентацию на духовное развитие молодого поколения, на приобщение его к культурным ценностям, на формирование для этого необходимой общеобразовательной базы. Экономика может позволить себе относиться к человеку как к средству (в противном случае ей трудно оставаться эффективной), но для общества (а значит, для его институтов любого на-

значения) человек всегда должен оставаться целью. Как писал еще В. Соловьев, определяя критерии экономической деятельности, “признавать в человеке только деятеля экономического – производителя, собственника, потребителя вещественных благ – есть точка зрения ложная и безнравственная” [Соловьев, 1988, с. 34]. Эти предостережения философа звучат как никогда актуально. Сегодня, даже в условиях возрастания масштабов коммерциализации всей духовной жизни, образование, используя рычаги государственной политики как властного механизма, через который осуществляется связь экономики с гражданским обществом и культурой, должно находить в своей системе противовесы превращению знания исключительно в товар. Это призвано быть одной из главных социальных гарантий отношения к человеку как к *человеку* – личности, гражданину, работнику. Трудность и искусство политиков состоит в определении, где можно дать свободу действиям рыночных отношений, а где поставить заслон, если ничем не ограниченные отношения свободного рынка начинают разрушать жизненные основы общества. Но, как говорит мировой опыт, это задача решаемая.

Сегодня, к сожалению, и усилия государства в направлении финансового обеспечения образовательной системы оставляют желать лучшего. В последнее время доля расходов на образование в России приблизилась к 4–4,5% ВВП, в развитых странах этот показатель доходит до 8%; число бюджетников в 2007/2008 учебном году составляло менее 40%, и вряд ли стоит ожидать улучшения ситуации в ближайшее время. Можно вспомнить, что в Германии за счет бюджета учатся 90% студентов, а во Франции, в Скандинавских странах высшее образование бесплатно.

Таким образом, итоги исследования, касающиеся материальной дифференциации и социальной стратификации в целом и в отдельных регионах, подводят к выводу: население страны оказалось *расколото* по качеству жизни. В небольшом числе регионов, ставших экономическими центрами, складываются черты и стандарты нового, отвечающего времени, то есть модернизированного, образа жизни, в других образ жизни соответствует дореформенным стандартам, а в третьих – он остается архаизированным. Можно сказать, что “на социокультурном пространстве России сложились чрезвычайно высокие, социально не оправданные межрегиональные различия уровня и качества жизни населения” [Регионы... 2009, с. 732]. Это создает угрозу его единству, сама же ситуация чревата нарастанием социальной напряженности. Следует отметить актуальность выводов о нарастании угроз-рисков в связи с наличием *застойных сфер* функционирования региональных сообществ и общества в целом.

Исследователями выделены несколько сфер, где сосредотачиваются и воспроизводятся (консервируются) негативные составляющие жизнедеятельности населения [Регионы... 2009, с. 761–768]. Одна из них связана с распространением научно-технических инноваций. Авторы исследования считают, что, несмотря на широкие ожидания и административные побуждения, в стране до сих пор не произошло радикального прорыва к созданию национальной инновационной системы. Более того, в большинстве из 10 изученных регионов наблюдается снижение уровня инновационности. Даже в Москве и Московской области, которые имеют очень высокий инновационный потенциал, доля новых товаров и услуг в общем объеме отгруженной продукции в 2–3 раза снизилась с 2000 по 2006 г. и составила 2,5–5,2% (по стране в целом эта цифра составляет 4,5%). Основными факторами застоя в этой сфере служат институционально закрепленные барьеры между экономическими интересами инвесторов и производителей. Другая застойная сфера – неэффективность правопорядка, пороки которого воспроизводятся длительное время. Почти два десятилетия самой острой для россиян остается опасность преступности, низкая защищенность перед нею, почти повсеместно наблюдается низкий уровень доверия населения к правоохранительным органам (24–34%). Авторы проекта считают, что необходима общероссийская программа модернизации России как правового государства на основе последовательного проведения принципов Конституции РФ. Частью этой программы должна стать сфера государственного и муниципального управления, в которой последнее время явственно обнаружилось застойные процессы, порождающие дефицит управляемости.

Большинство населения регионов плохо информировано о действиях законодательной и исполнительной властей региона, сами же власти мало интересуются мнением жителей. В результате сохраняется отчужденность между органами управления и населением, которая способствует сохранению пассивного отношения людей к общественной жизни и торможению роста доверия к институтам государственной власти.

В заключение подчеркну следующее. Осуществленное исследование и по замыслу, и по реализованному инструментарию носит инновационный характер. Научная ценность обобщенного социологического материала бесспорно внесет свой вклад в современное знание о реальном состоянии и перспективах развития российского общества, а главное – оно предупреждает: необходима гармония между сферами экономического и социально-культурного бытия. И это предупреждение – не тактическая уловка времени (и даже не стратегия, продиктованная долгосрочными интересами), а *исходное условие* функционирования цивилизованной социальной системы. Не менее важна удавшаяся апробация (то есть еще одно доказательство) эвристических возможностей выбранных исследователями методологических посылок анализа, а именно:

- функционирование экономики всегда осуществляется как воспроизводство социальной жизни во всем ее многообразии и сложности, а ее развитие детерминировано множеством внутренних и внешних факторов;

- продуктом экономической деятельности вместе с произведенными благами является исторически-конкретное культурное пространство, в котором осуществляется жизнедеятельность людей;

- это пространство всегда выступает одновременно экономической и культурной реальностью, подчиняющейся двум типам закономерностей: детерминирующим его функционирование как экономической системы и как социокультурного организма;

- характер и содержание взаимодействия этих двух реальностей на различных этапах истории были и будут различными, но всякий раз они дополняют друг друга, даже когда находятся в состоянии антагонизма;

- историческое направление развития социума связано с размытием границ между экономикой и “не-экономикой”, между хозяйственной практикой и культурой, с возрастанием востребованности интеллектуальности и творческих способностей человека труда;

- культурно-нравственный императив привносится в экономическую деятельность экономической политикой, поэтому именно на ней лежит ответственность за способы реализации выбранного проекта преобразований и его последствия;

- социологическая теория, ориентированная на реализацию и эффективность предлагаемых ею моделей, должна встраиваться в междисциплинарную парадигму наук об обществе, даже в случае их жесткой ориентированности на решение чисто прикладных задач.

Исследование показало, что эти методологические установки нельзя игнорировать ни на уровне теоретического осмысления современных реалий, ни в практике социологического моделирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века. М., 2003.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II. М., 1969.

Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в современную эпоху. М., 2007.

Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М., 2009.

Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // *Соловьев В.С.* Соч. В 2-х т. Т. 1. М., 1988.

Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса. Сборник материалов Всероссийской конференции 7–9 октября 2010 г. Ульяновск, 2010.

Стратегия России: общество знания или новое средневековье? М., 2008.